

Юрий ЛЕВИТАН:

«НЕЗАБЫВАЕМОЕ МГНОВЕНИЕ!»

9 МАЯ 1970

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ИНДУСТРИАЛИЗМ
Г. МОСКВА

Четверть века назад в 21 час 50 минут 9 мая 1945 года знакомый до боли левитановский голос произнес: «Говорит Москва...» Четверть века назад в 21 час 50 минут весь мир услышал о нашей победе.

Спрашиваю Левитана:

— Как все это было в том, 45-м?

— Утром 9 мая вопреки обыкновению меня вызвали в Ставку и вручили приказ № 369, который нужно было прочитать вечером. В 21 час я объявил о выступлении И. В. Сталина из студии Кремля. Приказ же я должен был читать уже из нашей студии, расположенной в то время за зданием ГУМа. У меня в запасе было еще примерно полчаса, студия была напротив, и оставалось только перейти Красную площадь. Вместе с председателем Радиокomite-та шагнули за ворота Кремля и... Площадь так запружена ликующим народом, что не можем даже руку просунуть. Пытаемся хоть чуточку продвинуться вперед—куда там! Уже забеспокоившись, объясняю: «Товарищи, пропустите, пожалуйста. Нам по очень важному делу». А нам в ответ: «Какое там дело! Сейчас Левитан приказ будет читать, салют будет. Стойте, как все, и слушайте». «Хороший, — думаю, — совет!». Единственный выход—обратно в Кремль. Объяснили ситуацию. Выдан новый пропуск. И даже дана команда—пропускать двух бегущих людей через все посты без задержки. 21 час 50 минут. Звучит победный приказ!.. А потом был тыся-

чеорудийный салют. Незабываемое мгновение!

Победный салют! Я знаю: все, кто его видел, запомнили на всю жизнь. Я знаю: кто его не сумел увидеть, те, кто еще не родился в то время, спрашивают о нем. И будут спрашивать вечно. Потому что это — самый последний салют войны, салют Великой Победы.

Спрашиваю:

— Хотели бы сейчас услышать, как звучало тогда это сообщение?

— Очень. Но это невозможно. Записи, к сожалению, не все сохранились. В те годы нередко читали прямо с листа бумаги, которая зачастую была исчерчена многочисленными помарками. И ошибиться было нельзя. Ведь голос Москвы слушала вся страна. Голос Москвы придавал силы, вселял ненависть к врагу, уверенность в победе.

Ему писали из Ленинграда: «Ваш голос был для нас самым дорогим голосом, которого в первые дни мы боялись и ждали, а в последние — только ждали».

Ему писали бойцы с передовой: «Идем вперед. Работы вам хватит. Берегите голос».

За доставку Левитана живым в Берлин Гитлер назначил денежную награду—200 000 марок.

Радиокомитет работал круглосуточно. Репродукторы не выключались ни днем, ни ночью, ни дома, ни на улицах. Оружием Левитана было слово. И было в этом слове и горе, и мужество, и вера. И от этих слов по телу бегали мурашки. И это слово заставляло

забывать об усталости, о ранах, о боли.

— Однажды, когда фашисты были под самой Москвой, — вспоминает Левитан, — бомба угодила во двор Радиокomite-та. Бомба, правда, не разорвалась, но в здании вылетели все стекла, погас свет. Берлинское радио тут же истерически завопило: «Московский радиокomite-т разрушен». Но через 5 минут при свете нескольких лампочек от аккумуляторных батарей и маленького фонарика мы снова вышли в эфир...

Голос Левитана звучит несколько иначе, чем из репродуктора. Хотя, конечно же, его не спутаешь ни с чьим другим... Юрий Борисович среднего роста. В очках. Прост в обращении. Выглядит моложе своих 55... В шкафу за стеклом фотографии разных лет...

— После объявления победы, — говорит Левитан, увидев, что мой взгляд задержался на портрете Гагарина, — сообщение о его полете в космос было для меня, пожалуй, самым памятным. Потом я часто встречался с Гагариным и очень полюбил его. Он подкупал своей добротой, остроумием, ну и, конечно, улыбкой. Считаю за большое счастье, что мне довелось объявлять и о других полетах наших космических героев.

Мальчишкой он мечтал стать артистом. Втайне от отца убежал 16-летним подростком из Владимира в Москву: поступать в киноинститут. Не принял: лет мало, да и владимирский говорок был очень силен. Возвращаясь с экзаменов, уви-

дел объявление: конкурс дикторов. Пошел на студию, толком не зная, что же это такое—диктор. И здесь провалился. Снова из-за своего говора. Взял диктором-стажером и дежурным по студии. Стал заниматься с педагогами. Поступил в Щукинское театральное училище. В конце 1931 года Юрий Левитан впервые вышел в эфир.

— Как же вы все-таки избавились от своего владимирского акцента?

— Делал никому не понятные пометки на оригиналах. Например, если в тексте было «течет вода» — для себя писал «тичет вада». Как-то правленный материал увидел редактор, поднял шум: «Кто правил? Что за вопиющая неграмотность?»... Делать пометки мне было запрещено. Пришлось брать копии материалов. Через два-три года местный говор исчез окончательно... Сейчас, когда я приезжаю на родину, в свой дворик на Муромской улице, старушки, помнящие меня еще мальчиком, наперебой заставляют доказать, что я ихний, владимирский: «А ну-ка, скажи по-нашему». Я пытаюсь говорить. Я нажимаю на «о». Но это уже мне совсем-совсем не удается. Все улыбаются. И я улыбаюсь. И у меня теплеет на сердце.

Левитан отвечает не торопясь, тщательно подбирая слова. Когда не готов сразу к ответу, пожимает плечами. Иногда говорит: «Не помню». Я спрашиваю и спрашиваю. Он рассказывает...

Е. ФАДЕЕВ.
(Наш спец. корр.).